

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА**

2000 - 3

**ВЫБОРЫ
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВАХ**

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Москва 2000

Е.Ю.МЕЛЕШКИНА

**ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
ИЗБИРАТЕЛЕЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ**

Одной из важных составляющих процесса демократизации в посткоммунистических странах является формирование электорального пространства как места встречи спроса и предложения на формирующемся политическом рынке*. Структуру этого пространства можно представить как упорядоченную совокупность политических позиций и идентичностей акторов электорального соревнования (6). Здесь, как нам представляется, очень важно отметить то, что это пространство структурируется взаимодействием субъектов трех типов: избиратели, официальные участники электорального соревнования (партии, кандидаты и проч.) и "полузакулисные" действующие лица избирательного процесса (в том числе органы власти), способные влиять на него не только напрямую, но и косвенно.

В процессе электорального соревнования происходит своеобразная встреча предложения (в виде набора политических диспозиций и идентичностей) и спроса (в виде политических установок и предпочтений). Политические акторы (партии, кандидаты и т.п.), вынужденные ориентироваться на спрос, путем активизации своих диспозиций и демонстрации идентичности претендуют на занятие каких-то позиций. В ходе предвыборного соревнования и особенно голосования происходит своеобразное "тестирование" носителями спроса (избирателями) успешности

* О политическом рынке и его свойствах см., например, 12.

Претензий акторов на занятие каких-либо позиций (происходит процесс легитимации политической позиции акторов электорального соревнования). Характер процесса легитимизации позиций политических партий может рассматриваться как показатель успешности (или неуспешности) процесса становления демократических институтов и демократизации в целом. Поэтому анализ отношения избирателей к политическим партиям, а также факторы формирования их партийных предпочтений — необходимый элемент прогнозирования не только динамики структуры национальных электоральных пространств, но и дальнейших перспектив демократизации в переходных обществах.

Анализ исследований, посвященных формированию партийных предпочтений в странах Восточной Европы, показывает, что, несмотря на значительные национальные различия, можно выделить общие для них характерные черты. Одной из них является высокий уровень нестабильности партийных предпочтений избирателей. Как отмечают исследователи, в странах Восточной Европы и бывшего СССР этот показатель значительно превышает подобный показатель стран Западной Европы в период нестабильности и социально-политической трансформации (Германия после Второй мировой войны, Испания, Португалия и Греция в 70-начале 80-х гг.). Так, показатель нестабильности партийных предпочтений составил 28,3% в Венгрии в период между выборами 1990-1994 гг., 34% - в Польше (1991-1993гг.), 54% в Эстонии (1992-1995 гг.), более 40% в Литве (1992-1996 гг.), 31,4% в Чехии (1992-1996 гг.) (38:1-2).

Общим является и феномен протестного голосования или/и негативной партийной идентификации, когда у избирателя отсутствует чувство близости с позицией хотя бы одной из партий. В частности, как показывают социологические исследования, в 1995 г. в Венгрии, Польше, Румынии и Словении среди избирателей 77% имели негативную идентификацию и только 30% — позитивную (33, с. 217).

Эта ситуация объясняется не только несформированностью системы институтов политического представительства в "новых демократиях", но и особенностями формирования партийных предпочтений избирателей. В чем же проявляется эта специфика? В политической науке существует несколько точек зрения на этот счет.

Сторонники первого подхода считают, что в посткоммунистических странах массовая поддержка партий не связана напрямую с их политическими позициями, что проявляется в нестабильности партийных предпочтений. Причины этой нестабильности кроются в неустойчивости связей между социальными группами и партиями, которая объясняется прошлым социалистическим опытом и несформированностью гражданского общества (см. 18; 24; 34 и др.).

Но мнению некоторых исследователей, на процессы посткоммунистического развития значительно влияет характер унаследованных от социалистического прошлого культурно-политических норм и ценностей (см, например, 29). Их специфика препятствует формированию партийно-политической идентификации в силу влияния характерного для коммунистических времен сочетания репрессивной и крайне централизованной деятельности государства, а также специфики крайне идеологизированной системы артикуляции интересов. Определенное воздействие оказывает и национальное культурно-историческое наследие. В частности, советская политическая культура, как отмечали еще советологи, воспроизвела слабость и неэффективность представительства, низкий уровень политического участия, авторитаризм и бюрократизм, характерные для дореволюционной России (41: 64).

Спецификой культурного наследия объясняется и отсутствие в посткоммунистических обществах традиций идентификации собственных интересов индивидов с политическими партиями, независимыми профсоюзами и другими организациями. Поэтому, по мнению исследователей, избиратели не способны адекватно идентифицировать свои социально-групповые интересы, а также политические партии. Политическое поведение "атомизированных индивидов", каковыми являются избиратели посткоммунистических стран, включая способы выражения их оппозиционности режиму, в целом пассивны, для них характерна "культура неучастия", бинарные политические установки и высокая степень отчужденности от политики (10; 21; 22). Избирателей восточно-европейских стран отличает не только высокая степень неустойчивости партийно-политических предпочтений, но и склонность положительно реагировать на риторику популистских и националистических партий (36). Представители второго, "модернизаторского", подхода считают, что возникновение политических расколов и формирование

партийно-политических ориентации в посткоммунистических странах происходит в силу воздействия модернизационного фактора. Поэтому политические партии в посткоммунистических обществах различаются, в первую очередь, отношением к политическим курсам, сфокусированным на институциональных проблемах. На этом основании строятся и партийные предпочтения избирателей.

Данные утверждения основываются на допущении, что специфика институциональных проблем, связанных с демократическими и рыночными реформами, во многом определяет суть Переходных процессов в посткоммунистических обществах. Многие теоретики процесса консолидации демократии считают, что отмеченные институциональные проблемы являются наиболее очевидными, а "близость" позиций партий к позициям избирателей в этом проблемном пространстве — важнейший фактор формирования поддержки избирателей (17; 14; 19 и др.). Базовые разногласия, возникающие на этой основе, кроются во многом в экономической, социальной и политической структуре последнего этапа развития коммунистических режимов, а также в ожиданиях избирателей относительно этой структуры (15; 36 и др.). На этом этапе вместо официально провозглашаемой социальной и политической гомогенизации общества под влиянием модернизационных изменений формировались социально-культурные расколы, связанные, в первую очередь, с родом занятий, типом поселений (город или село) и с определенным уровнем образования. Многие индивиды под воздействием этих факторов осознавали свои интересы и были способны позиционировать их в рамках лево-правого континуума. Вследствии этого представители социальных групп наиболее вовлеченных в процесс модернизации, связывали улучшение своего статуса с деятельностью в рыночных условиях.

Один из сторонников данного подхода Х.Китчельт утверждает, что в большинстве посткоммунистических обществ для характеристики партийного соревнования применима бинарно ориентированная ось, основанная на противопоставлении авторитарно-нерыночной и либерально-рыночной ориентации. На этом же противопоставлении основано и формирование партийных предпочтений: избиратели, выигравшие от рыночных реформ, склонны поддерживать либерально-рыночные курсы и партии, и

наоборот (20; похожие выводы относительно российских избирателей см., например, 27)*.

Сторонники данной точки зрения полагают, что влияние институциональных факторов становится более значимым в период ухудшения экономической ситуации. Неудачи институциональных реформ играют, таким образом, на руку радикальным партиям с недемократической и антирыночной идеологией (31).

Вместе с тем, представители данного направления подчеркивают, что, в отличие от стран развитой демократии, где изменения в экономической ситуации напрямую влияют на формирование политических предпочтений (24), в посткоммунистических странах изменения в экономической ситуации оказывают опосредованное влияние на формирование политических предпочтений. Своеобразным фильтром при этом служат установки (attitudes) избирателей по отношению к институциональным проблемам ("демократии" и "капитализму"). Неудовлетворенность экономической ситуацией может привести избирателей к разочарованию в рыночных и демократических институтах и заставить голосовать за партии, занимающие антидемократические и антирыночные позиции. Таким образом, подтверждается тезис С.Липсета о том, что в долгосрочном плане процесс легитимации новой системы, а также связанных с ней политических сил зависит от ее эффективности, способности удовлетворять материальные потребности граждан (25; с. 68).

Третий подход к анализу факторов, влияющих на формирование партийных предпочтений, основан на утверждении, что в посткоммунистических обществах существует множественно социально-политических проблемных расколов, оказывающих влияние на структуру многомерного электорального пространства. При этом признается наличие неинституциональных (традиционных

* Похожую в целом точку зрения отстаивают представители "теории двух осей", считающие, что в посткоммунистических странах представлены две оси размежевания: либерально-консервативная, основанная на различии в ценностных ориентациях, моральных и культурных нормах, и лево-правая, основанная на экономических интересах. Они полагают, что, чем дальше происходит продвижение страны по пути рыночных реформ, тем более значительную роль начинают играть экономические интересы и классовое размежевание (раскол по оси левые-правые) (об этой теории см. 29:510).

и постмодернистских) факторов, формирующих часть расколов и их влияние на оценку избирателями политических партий. Многомерность электорального пространства, наличие множества расколов обуславливает многомерность пространства политических партий.

Заслуживает внимания обоснование данной точки зрения венгерским исследователем А.Керошени. Объясняя применимость социологического подхода к анализу электорального поведения, он исходит из следующих соображений. Во-первых, основные расколы, характерные для европейских политик — религиозные, классовые, поселенческие, лингвистические и этнические — возникли на основе социальных конфликтов, разделявших все общества и имеющих длительную историю. Поскольку эти конфликты существовали веками, то можно предположить, что расколы, характерные для докоммунистических времен, сохранились в политической культуре и политических ориентациях, даже если институты и способы их артикуляции были уничтожены.

Во-вторых, несмотря на попытки достичь социальной и политической гомогенизации, там происходило выделение привилегированного класса и разделение общества на управляющих и управляемых. Кроме того, отсутствовала и полная политическая гомогенизация: помимо коммунистических партий во многих странах существовали и другие партии, и общественные организации-сателлиты, в рамках коммунистических партий происходило неформальное структурирование групп интересов.

В третьих, анализ результатов социологических опросов периода "учредительных выборов" в странах Восточной Европы свидетельствует о влиянии социальных факторов на формирование партийных предпочтений: каждая партия имеет собственное электоральное ядро, отличающееся особыми социальными характеристиками.

И, наконец, его четвертый аргумент основывается на том, что социологическая стратификация отражается на электоральном поведении не прямо, а косвенно, через особые формы политической деятельности. В Европе такими формами выступали идеологические, мобилизационные и организационные усилия политических партий, существующих достаточно длительное время. Несмотря на то, что подобные институты в посткоммунистических странах проходят лишь стадию формирования, можно предположить, что их

возникновение является фактором институционализации множественных социокультурных расколов (23, с. 53-54).

Представители данного направления полагают, что существующие и возникающие в посткоммунистических обществах оси расколов могут не пересекаться с институциональными размежеваниями в проблемном политическом пространстве, а позиции партий в нем могут не коррелировать друг с другом (13; см. также 16). Этому способствуют низкие "вступительные" барьеры для новых партий и развитие средств массовой информации, упрощающих процесс доступа новых партий к избирателям.

Все три представленные концепции отражают в той или иной степени основные тенденции формирования партийно-политических предпочтений в посткоммунистических странах. Вместе с тем, наибольшей эвристической ценностью обладает третий подход, в то время как в посылах и выводах первого и второго подхода кроются серьезные недостатки.

В рамках первого подхода преувеличивается отсутствие демократических традиций в коммунистическом обществе. Однако, как считают многие исследователи, советская политическая культура не соответствовала идеалу политической культуры, желательному для репрессивной системы, а в посткоммунистический период наблюдается значительный "удельный вес" демократических ценностей в сознании избирателей (31; 11; 43). Кроме того, в период "развитого социализма" граждане приобретали некоторый опыт участия в разного рода общественных организациях, которые не полностью контролировались партией-государством.

Как свидетельствуют результаты эмпирических исследований, среди бывших членов коммунистических партий доля избирателей, позитивно идентифицирующих себя с определенной политической партией (не обязательно с наследницами коммунистических партий), значительно выше, чем среди другой группы граждан (32, с. 221). Это объясняется опытом социализации, в результате которого у большинства членов коммунистической партии преобладала смешанная мотивация участия: не только идеологическая, но и инструментальная: надежда на продвижение социального статуса, получение материальных благ и т.п. (42).

Следует учитывать и аргументы "модернизаторского подхода" относительно появления на позднесоциалистическом этапе развития социально-политической дифференциации, связанной с

модернизационными процессами. В целом тезис об атомизированности избирателей, их неготовности к партийно-политической идентификации представляется несколько преувеличенным. В этой связи более обоснованной представляется точка зрения тех исследователей, которые утверждают, что партийная идентификация в посткоммунистических обществах является достаточно распространенной и структурированной, хотя и слабой в силу переходного характера развития этих стран. Партийно-политические предпочтения избирателей стран Восточной Европы являются в целом следствием не только экономического оптимизма и пессимизма, но и инстинктивной реакции социальных групп на изменения, а также сознательного политического выбора (30).

Недостатком "модернизаторского" подхода является то, что его сторонники не учитывают традиционные расколы, существующие в обществе (этнические, религиозные, поколенческие и т.п.), а также разногласия по "постмодернистским" проблемам (качество жизни, экология и т.п.). Конечно, "постмодернистские" расколы не оказывают такого влияния на формирование партийно-политической ориентации в странах Восточной Европы, как в странах развитой демократии. В то же время нельзя полностью исключить их влияния, так как для большинства посткоммунистических обществ характерно одновременное существование проблем индустриального и постиндустриального развития.

Серьезным недочетом данного направления является, на наш взгляд, фактическое отождествление структуры пространства политических партий и электората. Против данного тезиса свидетельствует факт наличия значительной доли абсентеистов не только среди избирателей стран Восточной Европы, но и стран развитой демократии с двухпартийной системой, а также нестабильность политических предпочтений существенной группы электората, особенно в посткоммунистических странах. Кроме того, следует учитывать и фактор протестного голосования избирателей, не согласных с бинарной логикой предвыборного соревнования.

Несмотря на то, что обоснованность многофакторного подхода к анализу формирования партийно-политических предпочтений в посткоммунистических странах в целом подтверждается эмпирическими исследованиями, универсальность отдельных аргументов его сторонников, в частности А.Корошени, вызывает сомнения. Так, например, степень влияния докоммунистических

расколов и политических традиций на конфигурацию современного электорального пространства неодинакова для каждой отдельно взятой страны.

Как показывают исследования, значение факторов формирования партийно-политических предпочтений варьируется в зависимости от национальной специфики социально-экономического и политического развития. То есть иерархия этих факторов, а также количество и содержание расколов, влияющих на структуру электорального пространства, значительно отличается, например, в Венгрии и России. Различия проявляются и в традициях политического развития и в период, предшествующий установлению коммунистического режима, в уровне социально-экономического развития, и в сценарии демократического транзита и т.д. (39, с, 122).

Г.Тока объясняет иерархию факторов формирования партийно-политических предпочтений в отдельных странах Восточной Европы следующим образом. Фактор отношения к рыночным реформам оказывает меньшее влияние на формирование партийных ориентации в Хорватии, Латвии, Словении и Венгрии в силу отсутствия в них ортодоксальных коммунистических партий. В Албании и Македонии незначительное влияние раскола по отношению к рыночным реформам обуславливает приоритетной значимостью для их политического развития других расколов в обществе (этнических, религиозных и т.п.) (38, с.5).

Особое внимание этот исследователь в своем анализе уделяет Венгрии, отмечая относительную стабильность партийной системы и незначительное влияние институциональных расколов (например, отношения к рыночным реформам). Эти факты он объясняет следующими обстоятельствами.

Переходный период в Венгрии был отмечен серией переговоров, в результате которых основные политические силы достигли компромисса относительно принципов и правил политической игры. Коалиция антикоммунистических сил, созданная в результате "круглого стола" оппозиции (ЕКА), фактически обрела монополию на представительство в процессе трансформации антирежимных настроений. Тем самым оппозиционным партиям удалось вовлечь в процесс партийного соревнования лучшие человеческие, организационные и материальные ресурсы. Кроме того, исторически сложилось так, что представительство интересов в этой стране имело более строгую

структуру в силу совмещения различных расколов в биполярной структуре коллективной идентификации и общественной активности (консервативный и модернистский ценностные комплексы совмещались с посещением церкви, с одной стороны, и с членством в коммунистической партии, с другой). Такая "наследственность", а также относительная простота структуры социально-политических расколов, по мнению Г.Токи, препятствуют появлению новых влиятельных политических партий-акторов. Простота структуры социально-политических расколов и стабильность партийных предпочтений усиливается также относительно незначительным влиянием социально-экономического фактора, в первую очередь, отношения к рыночным реформам (добавим от себя — в силу относительно благоприятного экономического положения страны, а также относительно развитых традиций рыночной соревновательности) (38, с. 6-7; см. также 40).

Незначительность институциональных размежеваний и Существенное значение религиозного раскола в Венгрии отмечает и Р.Дач (сходную позицию см. также 24), который вместе с тем подчеркивает, что важным фактором, формирующим партийные Предпочтения в этой стране (в основном относительно правящей партии) наряду с традиционными размежеваниями, является текущая экономическая ситуация. В Чешской Республике, по его мнению, наиболее существенными являются институциональные факторы, традиционные социально-культурные расколы, а также состояние экономики.

В Польской Республике наиболее значимыми выступают традиционные и "постмодернистские" расколы, а также институциональные факторы при невысокой значимости текущего экономического положения. В Словакии институциональные факторы не играют существенной роли, более значимым являются влияния традиционных размежеваний, а также "экономическое голосование" (13).

Чешские исследователи П.Матею, Б.Ржехакова, соглашаясь в Целом с выводами Дача относительно специфики Чешской Республики, выделяют несколько особенностей. Это, во-первых, глубина политических и экономических реформ, обусловленная тем, что в отличие от Венгрии или Польши для коммунистического режима Чехии не была характерна политическая и экономическая Эрозия. Преобразования осуществлялись во многом благодаря

"рыночному энтузиазму" и значительной популярности новых политических лидеров. Во-вторых, Чехия являлась одной из самых эгалитарных коммунистических стран, поэтому проведение рыночных реформ и усиление социально-экономического неравенства явились одной из причин распространения ностальгических настроений и укрепления соответствующего ценностно-ориентационного комплекса. В третьих, "строгость" коммунистического режима в этой стране, поддерживаемая вплоть до последних дней ноября 1989 г., способствовала крайней непопулярности "социалистической идеологии" среди избирателей, значительному дистанцированию левых сил от коммунистического прошлого и в итоге формированию конфигурации электорального пространства, отличного от Венгрии и Польши (28, с. 512-513).

Обращаясь к российскому опыту, мы видим крайне противоречивую картину. Среди отечественных исследований представлено много работ, посвященных выявлению факторов формирования политических предпочтений на основе анализа результатов опросов и выборов. Однако теоретическая слабость данных работ, отсутствие сравнительно-исторического и политического контекста приводит к тому, что многие важные обстоятельства, обуславливающие российскую специфику, упускаются из виду; не хватает комплексного анализа структурных, системных и процедурных факторов, влияющих на национальную специфику политических предпочтений в целом. Такая ситуация часто приводит отечественных исследователей и аналитиков к выводам о полной непредсказуемости поведения российских избирателей и "загадочности русской души". В то же время эвристические возможности многих западных исследований, посвященных изучению российских электоральных реалий, также ограничены узостью заданных методологических рамок.

В целом значительная часть исследователей склоняются к многофакторному подходу к анализу политических предпочтений. Вместе с тем заслуживает внимания мнение тех политологов, которые в качестве особенностей партийно-политических предпочтений российского избирателя отмечают большую значимость институциональных расколов (см. например, 27), а также "экономического голосования".

Вместе с тем в последнее время в России и за рубежом появился ряд работ, содержащих в себе более разносторонний анализ

факторов формирования партийно-политических предпочтений российских избирателей, в том числе структурного и системного свойства. Комплексный анализ этих факторов способен, по нашему мнению, создать целостную объяснительную модель, релевантную для кросс-национального сравнения не только специфики партийно-политических ориентации, но и структуры электорального пространства в целом.

Одним из этих факторов является, по мнению Ю.Шевченко и Г.Голосова, специфика переходных процессов и электорального расписания в России. Речь в данном случае идет об ограниченности политической конкуренции на начальном этапе демократизации, а также о влиянии несвоевременности проведения "учредительных выборов" (1; 2; 7). Заслуживает внимания мнение британского исследователя К. Росса, который отмечает, что опережающие темпы политических реформ в России по сравнению с экономическими способствовали возникновению большого числа партий, не укорененных в структурах гражданского общества (35, с.13).

Одним из факторов, выделяемых некоторыми исследователями, является институциональный дизайн в виде особенностей системы разделения властей и избирательной системы (3;8;9). В частности, существующие электоральные правила игры, а также система разделения властей способствуют тому, что парламентские выборы воспринимаются как второстепенные, и соответственно голосование избирателей на них в наибольшей степени протестно и многовариантно (5;8). Избиратель не заинтересован в идентификации с определенной политической партией, так как выборы по партийным спискам никак не влияют на состав исполнительной власти и проводимый политический курс. Система разделения властей в совокупности с избирательной системой напротив "подталкивает" граждан к негативной партийной идентификации.

В рамках исследований, посвященных формированию партийно-политических предпочтений избирателей России, практически отсутствует анализ такого фактора, как позиции акторов электорального соревнования относительно властных структур и их восприятие избирателями. Вместе с тем, данный фактор упоминается в зарубежной научной литературе, например в качестве "чувства оппозиционности" (opposition sentiment) (30).

Следует отметить, что для России данный фактор проявляется не столько в "чувстве оппозиционности", сколько в занятии позиции близости-удаленности по отношению к власти. Учитывая сформировавшуюся в России на основе политических традиций конфигурацию властных отношений, в качестве одного из основных факторов следует, на наш взгляд, рассматривать диспозиции политических сил относительно локусов власти и их восприятие избирателями".

Именно расположение политических сил во "властной" системе координат, а также их взаимоотношение с "властными" позициями избирателей (конечно с учетом позиционирования этих сил в проблемном пространстве), с нашей точки зрения, объясняет во многом успех "Единства" на парламентских выборах 1999 г. и в целом феномен идеологически близких "партий власти".

Список литературы

1. Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы. - М.: Весь мир, 1999.
2. Голосов Г. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. — М., 1998. — № 1. — С.106-129.
3. Голосов Г.В., Яргомская Н.Б. Избирательная система и межпартийная конкуренция на думских выборах. Первый электоральный цикл в России, 1993-1996. / Под.ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В., Мелешкиной Е.Ю. - М.: Весь Мир, 2000.С.152-176.
4. Ильин М.В. Моделирование - Полис. — 2000. - № 2. - С. 87-89.
5. Малютин М. Электоральные предпочтения россиян: "парадокс стабильности" // Общество, науки и современность. — М., 998. — № 1. — С. 41-50.
6. Мелешкина Е.Ю. Факторы структурирования // Полис. - М., 2000. - №2. -С. 89-92.

* Об этом см. материалы круглого стола, посвященного структуре и динамике российского электорального пространства (4;6)

7. Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993-1996 гг. — Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. (ред.) Первый электоральный цикл в России, 1993-1996. - М.: Весь Мир, 2000. -С. 212-241.
8. Шевченко Ю.Д. Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России //Мировая экономика и междунар. отношения. — М., 1999. — № 1. — С.82-89.
9. Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России. // Полис. - М., 1999. - № 4. - С. 122-129.
10. R.Amann. soviet politics in the Gorbachev era: The end of hesitant modernization // British j. ofpolit. Science. - 1990. - Vol. 20. №1. - P. 299-310.
11. Bahry D., Siver B. Soviet citizen participation on the eve of democratization // Amer. polit. science rev. - Baltinwve, 1990. - Vol. 84 - №3 - P. 821-847.
12. Blerald Ph. A. Theorie du marche politique et rationalite des politiques publiques // Rev. fran aise de science polit. - 1991.Vol.41. - № 2. - P. 260-261.
13. Brown A. and Gray J. (ed.) Political Culture and Political Change in Communist State, London and N.Y., 1977
14. Duch R.M. The electoral connection and democratic consolidation // Electoral studies. - Guildford, 1998. - Vol. 17. - № 2. - P. 149-174.
15. Duch R. Tolerating economic reform: popular support for transition to a free market in the former Soviet Union // Amer. polit. science rev. — Baltimore 1993. — Vol. 87. — № 1. - P. 590-608.
16. Ekiert G. Democratization processes in East Central Europe: A theoretical reconsideration // British J. of Pol. Science. - Cambridge, 1991 - Vol. 2) - №1. -P.285-313.
17. Evans G., Whitefield S. Identifying the bases of party competition in Eastern Europe // British j. ofpolit. Science - Cambridge, 1993. Vol. 23 - Ns 1 - P. 521-548.
18. Finifter A., Mickiewicz E. Redefining the political system of the USSR: mass support for political change // Amer. polit. science rev. — Baltimore 1992. — Vol. 86. № 1. — P. 857-874.
19. Gellner E. Condition of liberty: Civil society and its rivals — N. Y.: Penguin press, 1994. _ v, 276 p.
20. Gibson J.L., Duch R.M. Political culture in the emerging soviet democracy // Public opinion and regime change: New politics of post-soviet societies / Ed. By Miller A.H., ReisingerW.M., HesliV.L. - Boulder Colo. 1993. - P. 113-132.
21. Kitschelt H. The formation of party systems in east Central Europe // Politics and society. - Los Altos, 1992. - Vol.20. - № 1. - P. 279-300.

22. Kolankiewicz G. Parties, presidents and parliament: Poland's democratic dilemmas // The new institutional architecture of Eastern Europe / Ed. By Whitefield S. — L. Copenhagen, 1993, - P.99-120.
23. Kolarska-Bobinska L. Civil society and social anomy in Poland // Acta sociologica. — 1990 Vol. 33. - № 1. - 277-288.
24. Korosenyi A. Cleavages and the party system in Hungary // Elections to the Hungarian National Assembly 1994: Analyses, documents a. data / Ed. by Toka G., Enyedi Z. — B., 1999. - P.52-81.
25. Lewis-Beck M.S. Economics and elections: The major Western democracies. — Ann Arbor Univ. of Michigan press, 1988. - 183 p.
26. Lipset S. M. Party systems and representation of social groups // European j. of sociology. - Oxford, 1960, №1. p. 49-72.
27. Mair P. Party system change: Approaches and interpretations. — Oxfröd: Oxford Univ. press, 1997. - X, 258 p.
28. Mason S.D. and Sidorenko-Stephenson S.(1997). Public opinion and the 1996 election in Russia: Nostalgic and statist, yet pro-market and Pro-Yeltsin // Slavic rev. — Wash., 1997 - Vol 56. - № 4. - P. 698-717.
29. Mateju P., Rehakova B. Turning left or class realignment?: Analysis of the changing relationship between class and party in the Czech Republic, 1992-1996 // East European polit. a. societies. - Berkdey, 1997 - Vol. 11 № 3 - C.501-542.
30. McAuley M. Russia: The politics of uncertainty. — Cambridge: Cambridge univ. Press, 1997.- 351 p.
31. Miller W., White S. Political values underlying partisan cleavages in former communist countrie// Electoral studies. — 1998. — Vol. 17. № 2. — C. 197-216.
32. Political culture and Political change in communist state / Ed. By Brown A., Gray J. — N.Y.: Holmes a. Meier, 1977. - XIII, 286 p.
33. Przeworski A. Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1991. — XI, 180 p.
34. Rose R., Mishler W. Negative and positive party identification in post-communist countries// Electoral studies. ~ Cuilford, 1998. Vol.17 — № 2 — P. 217-234.
35. Rose R. Toward a civil economy//J. of democracy. — Wash. 1994. — № 5. — P. 18-30.
36. Ross C. Parties, federalism and democracy in Russia: Paper presented to RSA 50th annual conference. L., 10th-13th April 2000. - L., 36 p.
37. Schopflin G. The road from post-communism // The new institutional architecture of Eastern Europe/Ed. By Whitefield S. - L., 1993. - P. 183-200.
38. Schopflin G. Post-Communism: Constructing new democracies in central Europe /// International affairs - L, 1991. - Vol.67. - № 2 - P. 235-250.

39. Toka G. The Mobilisation of social cleavages in Hungary in a comparative perspective: Paper prepared for the international seminar on the " Evolution of political orientations in Post-Communist societies". Samara, 7-9 November 1997. — Samara, 1997. — 46 p.
40. Toka G. Parties and electoral choice in east Central Europe // *Stabilizing fragile democracies*/Ed. by Lewis, Pridham G. - L, Routledge, 1996. - P. 100-125.
41. Toka G. Voting behavior in 1990 // *The 1990 election to the Hungarian National Assembly: Analyses, documents and data*/Ed. by Toka G. - B., 1995. - P. 84-122.
42. White S. Political culture and soviet polities. — L.: Macmillan, 1979. — XIII, 234 p.
43. White S, McAllister I. The CPSU and its members: between communism and postcommunism // *British j. of political science.* — 1996 - Vol. 26, № 1. — P. 105-122.
44. Willerton J.P., Sigelman L. Public opinion research in the USSR: Oportunities and pitfalls//*J. of communist studies.* - L., 1991. -Vol.7. - P. 311-328.